

УДК 811

Трощенко Екатерина ВладимировнаСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e.troschenkova@spbu.ru, AuthorID: 454443, ORCID: 0000-0002-2498-3086

РЕУТИЛИЗАЦИЯ СТАРЫХ МЕМОВ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ИНФОПОВОДОВ

В статье рассматриваются прагматические вопросы реутилизации мемов, когда мемы, созданные как реакция на одну новость, применяются к другим новостям, меняя при этом свою форму и смысл. В статье проводится дискурс-анализ кейса "Петров и Боширов", активно развивавшегося в Telegram-постах и комментариях пользователей к ним весной 2023 года. Показано, что повторное использование мемов отражает ряд важных особенностей новых медиа в целом, таких как их коллаборативный и коллажный характер. Со временем один мем может быть постепенно деконтекстуализирован и повторно использован во многих других контекстах, что приводит к появлению целого семейства мемов, а в дальнейшем, если мем достаточно вирусный, еще больше размывает границы семейства мемов. Рассмотренный кейс позволяет поставить под сомнение существующие трактовки термина «мем». Он демонстрирует непрерывность трансформаций формы и содержания мема, его включенность в сложные системы взаимосвязанных информационных продуктов. В итоге мем становится достаточно подвижным образованием, проникающим в другие информационные продукты медиaprостранства. Мем может стать прецедентным текстом для интертекстуальных ссылок в высказываниях значительного числа пользователей и превращается в гибридный продукт, сочетающий в себе черты сразу нескольких семейств мемов.

Keywords: новые медиа, Telegram, реутилизация Интернет-мема, поликодовый текст, языковая игра.

Трощенко Е. В. Реутилизация старых мемов в контексте новых инфоповодов // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 4 (4). С. 32-44.

Troshchenkova Ekaterina Vladimirovna St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e.troschenkova@spbu.ru, AuthorID: 454443, ORCID: 0000-0002-2498-3086

REUTILIZATION OF OLD MEMES IN THE CONTEXT OF FRESH NEWSBREAKS

The article deals with pragmatic issues of meme reutilization when memes created as a reaction to one newsbreaks get applied to other newsbreaks, while changing their form and meaning. The articles carries out discourse analysis of a "Petrov and Boshirov" case, actively developed in Telegram posts and user comments to them during the spring of 2023. It is shown that meme reutilization reflects a number of important features of the new media in general, such as their collaborative and collage nature. With time a single meme can be gradually decontextualized and reused in many other contexts, which leads to emergence of the whole meme family and, later, if the meme is sufficiently viral, further blurs the borderlines of the meme family as well. The case study allows to question existing interpretations of the term "meme". It demonstrates continuity of transformations in its form and content and its inclusion in complex systems of interrelated information products. It becomes itself quite a fluid entity percolating into other information products in the mediaspace.

The meme may become a precedent text for intertextual references in the statements of a significant number of users and turns into a hybrid products that combines features of several meme families at once.

Ключевые слова: new media, Telegram, Internet meme reutilization, polycode text, language game.

Troshchenkova E. V. Reutilization of old memes in the context of fresh newsbreaks. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 4 (4): 32-44.

Введение. Современное медиапространство, ориентированное на технологически-опосредованную коммуникацию, вовлекающую массу рядовых пользователей не только в потребление, но и в создание контента и его активное распространение, возможно как нельзя лучше представлено таким явлением, как Интернет мемы. Эти информационные продукты, поначалу рассматривавшиеся как нечто относительно маргинальное и несерьезное, в последние годы все больше привлекают к себе внимание специалистов по массовым коммуникациям и лингвистов с точки зрения как формальных признаков, так и особенностей функционирования, в том числе как средств формирования и изменения общественного мнения, инструментов маркетингового продвижения и идеологической обработки – политической и культурной пропаганды. Таким образом, популярность мемов как типа текста, встречающегося в новых медиа, и их роль в коммуникативном воздействии на аудиторию обуславливают актуальность их всестороннего изучения с позиций медиалингвистики.

Настоящая работа ставит вопрос о прагматическом аспекте повторного использования Интернет мемов, возникших как реакция общественности на один инфоповод, в ходе освещения иных, прямо не связанных с ним инфоповодов. Этот вопрос, в свою очередь, заставляет с новых позиций вернуться к более общим теоретическим проблемам определения мема как отдельной единицы с учетом непрерывности трансформаций его формы и содержания и включенности в комплексные системы взаимосвязанных с ним информационных продуктов. Цель состоит в том, чтобы рассмотреть функционирование мемов в условиях смены контекста их использования с учетом того факта, что они работают как единая система, связанная сложной сетью интертекстуальных отсылок.

Материалом анализа служат те посты и комментарии к ним других пользователей в русскоязычном сегменте Телеграм, в которых наблюдается реутилизация старых Интернет-мемов. Поскольку речь идет о непрерывном процессе как формальных, так и содержательных изменений многокомпонентной и сложным образом организованной сети информационных продуктов, отправной точкой и основным фокусом отбора материала служит один кейс – употребления мема «Петров и Боширов», однако дополнительно учитываются иные, тесно переплетающиеся с ним. Сообщения отбирались в течение зимы-весны 2023 года из информационных, военных и юмористических каналов,

главным образом, в случаях, когда информационным поводом становились проблемы США и их союзников: серия происшествий, таких как сход с рельсов поездов, взрывы на промышленных объектах и другие катастрофы, банкротство ряда банков и проблемы финансовой системы, сбитие беспилотника США над Черным морем, волнения и митинги в Европе и Израиле. Всего проанализировано 45 основных постов с комментариями пользователей к ним, а также дополнительные материалы, позволяющие отследить ряд сходных дискурсивных процессов и интертекстуальных отсылок.

С методической точки зрения речь идет о том, чтобы использовать продолжительный мониторинг достаточно обширного и разнообразного фрагмента информационного поля и проследить во времени различные аспекты трансформации мемов. Поскольку мемы рассматриваются как важный продукт новых медиа, дискурс-анализ и функциональный анализ материала проводится с учетом не только общественно-политических инфоповодов, но и особенностей технологически-опосредованной коммуникации. Системный характер исследуемых текстов предполагает использование элементов интертекстуального анализа. Учитывая же, что анализируемые мемы в большинстве случаев представляют собой поликодовые тексты, форма бытования которых предполагает сочетание и взаимодействие вербальной и иконической части сообщения, при лингвистическом анализе трансформации формы требуется принимать во внимание и визуальный аспект.

Системы Интернет мемов: комплексы поликодовых текстов и их трансформации во времени. Говоря об Интернет-мемах, будем исходить из определения, что мемы – это информационные, часто поликодовые продукты, возникающие как результат коллаборации множества пользователей в новых цифровых медиа. Поликодовый текст получает соответствующий статус мема только тогда, когда он начинает имитативно воспроизводиться и вирусно распространяться в информационном пространстве, подвергаясь разнообразным трансформациям формы и содержания так, что, в итоге, их циркуляция в медиа создает разделяемый лингвокультурным сообществом культурный опыт [Троценкова (а), 2022: 75-76]. Иными словами, даже если у исходного текста есть индивидуальный автор, к моменту, когда мы можем говорить о нем, как о меме, он должен «прожить жизнь» в современных медиа и провзаимодействовать со множеством других пользователей, которые подвергнут его интерпретации, реинтерпретации, реинтерпретациям реинтерпретации и т.д., креативно подойдут к форме этого текста, модифицировав части вербального или иконического компонентов и транслируя его далее в этом видоизмененном виде.

В этом контексте приходится поднимать весьма сложный теоретический вопрос о границах мема. Привычный письменный текст обычно мыслится как законченное произведение, отграниченное от других произведений, см. например определение этого

понятия в лингвистике текста [Гальперин, 2006: 18-19]. В новых медиа, как отмечает Л. Манович, речь больше не идет о массовом тиражировании идентичных копий, объекты существуют в состоянии незавершенности, открытости к изменениям, созданию множества самоподобных версий и их рекомбинированию [Манович, 2017: 16, 69; Манович, 2018: 71-77]. Такая принципиальная вариативность информационных продуктов в новых медиа и коллективная их природа хорошо согласуются с идеями, высказанными еще М. Маклюэном в прошлом столетии о том, что в эпоху электронных медиа «наша центральная нервная система, технологически расширившись вовне, вовлекает нас в жизнь всего человечества и вживляет в нас весь человеческий род», так что «мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого действия» [McLuhan, 1964: 4].

Попытки изучать мемы как отдельные единицы наталкиваются на их включенность в непрерывный дискурсивный процесс, где они функционируют как открытая система. Воспользуемся здесь пониманием текста как коммуникативного целого, которое может одновременно быть и открытой, и закрытой системой. Если закрытость текста проявляется как раз в таких его признаках как отграниченность и законченность, то как открытая система с точки зрения З.Я. Тураевой текст выступает в момент актуализации в сознании получателя, когда адресат включается в процесс сотворчества при интерпретации текста [Тураева 1986: 12]. В случаях с мемами их функционирование как открытой системы не ограничивается больше освоением читателем объема содержащейся в тексте информации, когда он соотносит ее со своими фоновыми знаниями, в результате чего рождается индивидуальная интерпретация текста, и он наполняется личностными смыслами. Соавторство адресата в отношении мема касается теперь и реальных внешних изменений его составляющих, и эксплицитной реконтекстуализации не только для себя (с учетом личных фоновых знаний), но и для других, что связано с физическим распространением мема на различных коммуникационных площадках. Так, пользователь может использовать мем, созданный кем-то как реакция на одно событие, в собственных комментариях по поводу совершенно иного события.

Мемы, таким образом, представляют собой важные элементы непрекращающихся дискуссий членов партиципаторной цифровой культуры [Троценкова (б) 2022: 23], в этих дискуссиях пользователи склонны использовать наименование «мем» применительно к конкретному феномену (например, видеоролику), который становится основой для создания большого количества производных феноменов [Shifman 2013: 364]. Именно поэтому для мемов существенно важно, что они функционируют не по отдельности как самостоятельные единицы, а как элементы конститутивной системы [Троценкова (а), 2022: 75-76]. Это их свойство отражает характеристики новых медиа в целом. Г. Дженкинс, С. Форд и Дж. Грин, например, подчеркивают произошедший в инфосфере «сдвиг от распространения к циркуляции», который «сигнализирует о движении к

более партиципативной модели культуры, которая рассматривает аудиторию не просто как потребителей заранее подготовленных сообщений, а как людей, которые сами формируют медиаконтент, делятся им, переосмысливают и ремикшируют такими способами, о которых раньше мы и не подозревали. И все это они делают не как изолированные индивидуумы, а в рамках более крупных сообществ и сетей, которые позволяют им распространять контент далеко за пределы их непосредственно близкого с географической точки зрения окружения» [Jenkins, Ford, Green, 2013: 2].

Сами мемы, соответственно, довольно логично рассматривать так, как это делается в [Segev, Nissenbaum, Stolero, Shifman, 2015], где авторы рассуждают о семействах и сетях мемов. Исследователи задаются вопросом о том, как при всей динамичности контекста использования мемов и игровой природе их создания и функционирования им удастся оставаться связанными друг с другом. В статье делается попытка проследить путь от отдельного экземпляра мема к семейству мемов, представителем которого этот экземпляр является, и далее ко всей меметической сети. Определяя интернет-мем, авторы статьи подчеркивают, что речь идет о группе цифровых текстовых единиц, созданных и распространяемых многими участниками. Эти экземпляры текстов связаны между собой по двум принципам: а) общие характеристики языковой игры (quiddity), которая характерна для каждой семьи и составляет ее уникальную сущность; б) более общие свойства формы, содержания и выражаемой идеологической позиции, которые опираются на конвенции, существующей «культуры мемов». Таким образом, вместо того чтобы называть мемом одну культурную единицу, которая получила вирусное распространение, предлагается считать, что Интернет-мем – это целая группа единиц контента, т.е. набор отдельных экземпляров, составляющих единое семейство мемов [Segev, Nissenbaum, Stolero, Shifman, 2015: 418].

Отметим: сложность определения границ того, что следует считать отдельным мемом, и насколько он в принципе может быть «отдельным» текстом, отражается и в вышеприведенных рассуждениях. Исследователи предлагают осуществить, как они выражаются, «переход от единственного числа ко множественному» и считать мемом набор объединенных некоторыми признаками единиц, а не отдельные, составляющие этот набор единицы. Этот сдвиг, пишут они, обусловлен новыми способами восприятия мемов в цифровую эпоху: если в прошлом люди имели дело с одной версией мема в определенную единицу времени (например, слышали шутку, а позже слышали другую версию этой шутки), то сегодня люди сталкиваются с мемами как безграничными по набору элементов группами взаимосвязанных экземпляров. Люди все чаще сталкиваются с меметическими вариациями: поскольку цифровые платформы позволяют легко создавать контент и манипулировать им, и поскольку львиная доля этих действий осуществляется на публичных коммуникативных площадках, любой успешный мем имеет

тенденцию включать в себя множество наблюдаемых версий (или членов семейства) [Там же: 418].

Однако сами авторы, как мы видим, продолжают говорить о семействах мемов (meme families), т.е. им приходится не столько видоизменить употребление термина «мем», сколько ввести дополнительный термин «семейство мемов» для обозначения всей группы. При этом введение параметра а) quiddity как объединяющего отдельные экземпляры в группу на самом деле не решает проблемы того, какие экземпляры и почему должны или не должны быть отнесены к тому или иному семейству мемов, а следовательно, как очертить границы семейства.

Параметру «quiddity» дается относительно расплывчатое определение: «это повторяющиеся черты, которые уникальны для каждой семьи и составляют ее сущность и своеобразие. Как таковые, они служат своего рода «крючками» для пользователей при создании новых экземпляров мемов и интерпретационными подсказками, которые помогают аудитории распознать конкретные экземпляры как часть определенного семейства мемов» [Там же: 419]. Ключевая проблема – уникальность черты и то, насколько она проходит сквозным признаком через все экземпляры группы. Авторы приводят пример семейства мемов «Ice Bucket Challenge», утверждая, что такими уникальными чертами для него будут: ведро ледяной воды, выливаемое на голову человека, и название трех других людей, которым бросается вызов. Поиск в сети по соответствующему запросу, тем не менее, легко находит изображения, где участники заменили емкость – ведро на таз, где в обливании участвует не один человек, а сразу группа людей, на которую льют воду из ковша экскаватора, где на участника выливают одновременно несколько ведер и т.д. Будут ли считаться такие экземпляры все еще принадлежащими тому же семейству мемов? Практика показывает, что при достаточном «времени жизни» в сети экземпляры одного семейства могут подвергаться таким многочисленным и таким разнообразным трансформациям, что говорить про них как про группу можно действительно лишь с позиций фамильного сходства, имея в виду нечеткое множество частично пересекающихся элементов, не связанных каким-либо единым признаком [Витгенштейн 1985: 107-108]. Авторы статьи сами отмечают, что существуют экземпляры, которые «амальгамируют» черты сразу двух семейств мемов, создавая тем самым нечеткое множество, континуум с размытыми границами. Мы полагаем, что следовало бы говорить не об амальгамировании, а о полноценной интеграции, при которой становится невозможно однозначно отделить одно семейство мемов от другого.

Такая изменчивость мема как с точки зрения формы, так и содержания, размывает его границы как отдельного текста, заставляет исследователя смотреть на мем скорее как на явление в процессе непрерывного становления и развития, чем как на данность, законченное, полностью оформленное произведение. Однако эта изменчивость хорошо

укладывается в изначальную трактовку мема как репликатора, предложенную автором термина Р. Докинзом [Dawkins, 1989]. По сути, речь идет об адаптивности к новым условиям информационной среды, а это – с позиций общей логики существования репликаторов – один из существеннейших факторов жизнеспособности мема. Поэтому факт реутилизации мемов в качестве реакции на новые инфоповоды стоит, на наш взгляд, рассматривать в первую очередь в этом ключе.

Реутилизация мемов 2018 года в 2023: Петров и Боширов снова в деле. В марте 2018 года в Солсбери произошло событие, привлечшее внимание мировых СМИ и вызвавшее множество дискуссий по поводу произошедшего. Британские власти заявили, что произошло отравление бывшего сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля, работавшего в тот момент на британские спецслужбы, и его дочери; в адрес России были выдвинуты обвинения в причастности к покушению на убийство. Британская полиция опубликовала фотографии двух российских граждан, подозреваемых в отравлении Скрипалей, заявив, что они прибыли на территорию Великобритании под вымышленными именами Александра Петрова и Руслана Боширова. Впоследствии два человека, назвавшиеся этими же именами, дали интервью главному редактору телеканала RT М. Симоньян, где отвергли свою причастность к отравлению, но подтвердили, что были в Солсбери в одно время с событием отравления. Свой визит они объясняли желанием осмотреть местные достопримечательности, в частности Солсберийский собор, знаменитый своим высоким средневековым шпилем.

Эта история породила множество мемов в российском интернет-пространстве, обыгрывавших сам факт интервью, личности участников, отрицавших свою принадлежность к спецслужбам (см. рисунок 1). Именно кадры из интервью стали основой для шаблона мема, который сначала предполагал воспроизведение двумя кадрами фрагмента диалога в форме вопросно-ответного единства.

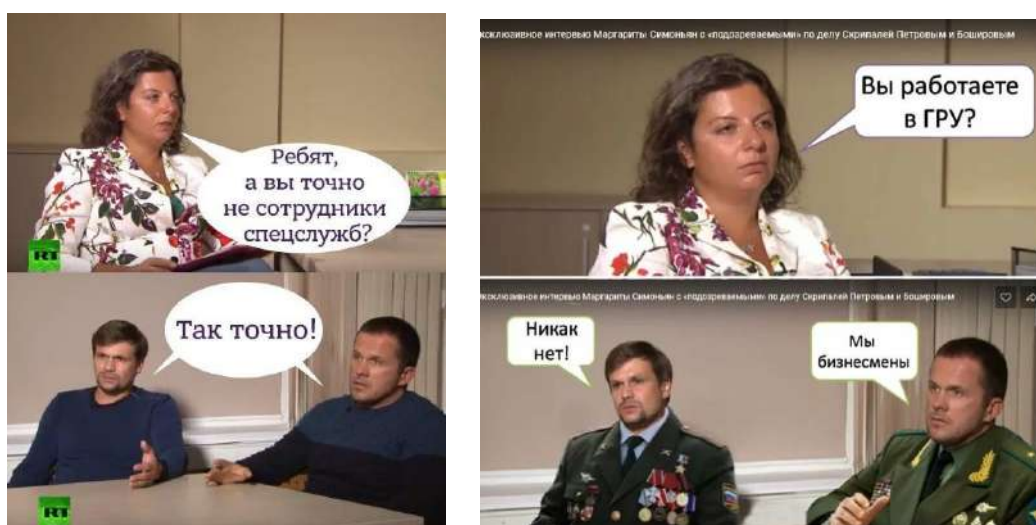

Рисунок 1. Мемы про Петрова и Боширова с кадрами из интервью Симоньян

Одним из повторяющихся смысловых элементов стали намеки на то, что помимо средневековой архитектуры Солсбери также известен своими гей-клубами и гей-барами, и визит туда Петрова и Боширова можно объяснить их сексуальной ориентацией. При этом часто креативно обыгрывалось, что в русском языке для шутливого, разговорного обозначения сексуальных отношений может использоваться выражение «шпили-вил(л)и», что перекликается с заявлением участников интервью о желании посмотреть на шпиль (см. рисунок 2).

Именно этот элемент события – шпиль – стал поводом для использования старого мема по отношению к юмористическому осмыслению пожара в Соборе Парижской Богоматери в 2019 году (см. рисунок 3).

Несмотря на то что мем в различных вариациях продолжал использоваться несколько лет, свежий импульс для особо активного развития он получил именно в 2023 году, когда сквозь его призму стали осмыслять разнообразные события, происходящие в разных странах, воспринимаемых как недружественные Российской Федерации. Таким образом, мем все больше отрывается от конкретного инфоповода, для реакции на который был изначально создан, и приобретает черты универсального способа (подобного мемам в рисунке 4) реагирования на яркие события с негативной окраской даже в тех случаях, когда в них не обвиняют Россию.

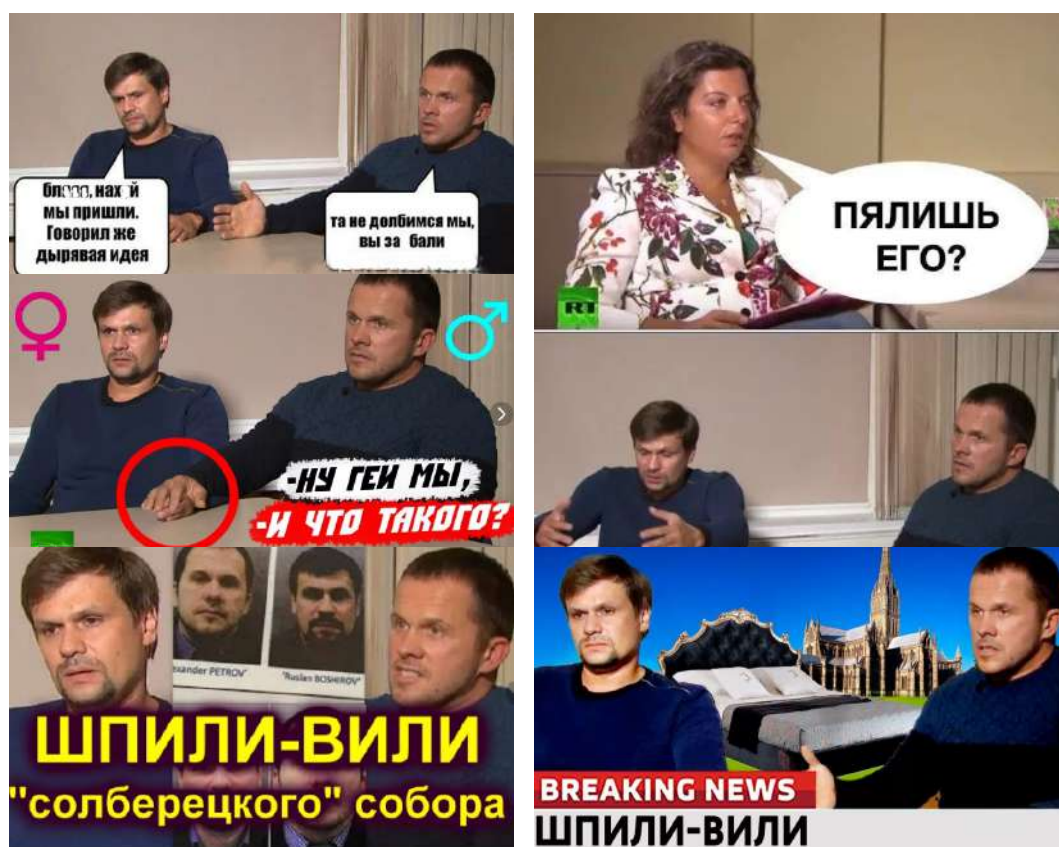

Рисунок 2. Обыгрывание намека на сексуальные отношения между участниками в мемах

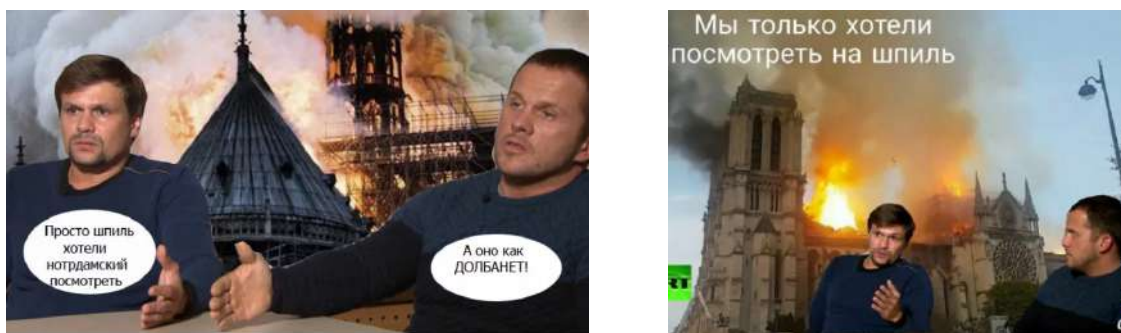

Рисунок 3. Петров и Боширов и горящий шпиль Нотр-Дама

Рисунок 4. Мемы-реакции, высмеивающие стремление во всем видеть «руку Кремля»

Сходным образом новую жизнь в приложении к новым инфоповодам с расширением изначального смыслового посыла приобрел, например, знаменитый мем времен ковида «Наташа и коты», реинтерпретации которого встречаются в тех же тредах, в которых использовались и интересующие нас модифицированные варианты мема «Петров и Боширов».

Рисунок 5. Реутилизации мема «Наташа и коты» в связи с инцидентом с американским беспилотником над Черным морем и взятием Бахмута ЧВК Вагнер

В случае с интересующим нас мемом изначальный шаблон при реутилизации в 2023 году чаще всего упрощается до нижнего кадра с Петровым и Бошировым (либо

кадр с Симоньян меняется на «кадр» с другим собеседником, напр., Путиным, Пригожиным и т.п.), при этом как визуальная, так и вербальная составляющие приобретают модификации в зависимости от того, реакцией на какой инфоповод должен стать мем. Из примеров 16-26 видно, что персонажам меняют одежду, цвет кожи; в вербальный компонент чаще всего помещаются утверждения, отрицающие причастность Петрова и Боширова к конкретному событию: либо в форме «*Происходило X – а мы Y* (со смыслом «просто случайно оказались рядом»), либо прямое отрицание «*это не мы*», «*мы тут ни при чем*», «*да не мы это*» (см. рисунок 6).

Рисунок 6. Примеры модификаций изначального шаблона Петров и Боширов

Популярность мема росла зимой – в начале весны 2023 года, позднее в силу чрезмерно активного употребления по широкому спектру инфоповодов он постепенно начал утрачивать свежесть и новизну, однако одновременно с этим приобрел еще большую узнаваемость: из тредов исчезли вопросы пользователей «*А кто это?*», «*Что за прикол с Петровым и Бошировым?*», на которые обычно следовали шутливые реакции, намекающие на всемогущество и повсеместное присутствие Петрова и Боширова. Узнаваемость мема привела к тому, что в реакциях пользователи стали ограничиваться намеками «это все они», сокращать фамилии персонажей до «П и Б», предлагать к использованию хэштеги типа #ШпилиВилиНаши.

Образ персонажей мема намеренно модифицируется: гиперболизируется значимость и мощь, их начинают сравнивать с былинными богатырями, легендарными

капитанами Кимом и Бураном из Тайны Третьей Планеты, предлагать представить к награде или увековечить их деятельность в произведениях искусства (см. рисунок 7).

Возвеличивание и рекламирование образов Петрова и Боширова продолжается благодаря тому, что они выходят за рамки мемов-макросов, обретают «собственный голос» и превращаются в полноценных персонажей народного творчества. Это, с одной стороны, проявление высокой степени виральности мема, однако, с другой, подобные практики сами по себе повышают виральность мема. Таким образом, мы получаем достаточно устойчивую, самоподдерживающуюся систему смыслов и образов, популярность и узнаваемость которой растет по мере универсализации применения в качестве реакций на информационные поводы разных типов и вовлечения все большего количества пользователей в ее репродуцирование.

Заключение. Анализ конкретного кейса реутилизации мема «Петров и Боширов» позволяет наглядно проиллюстрировать неоднозначность понимания границ мема как отдельной поликодовой сущности, бытующей в современном медиадискурсе.

Рисунок 7. Возвеличивание образов Петрова и Боширова

Свойства принципиальной незавершенности и коллажности продукта, характеризующие новые медиа в целом, становятся основой развития мема таким образом, что из отдельных экземпляров складывается целое семейство мемов. То, что отдельный мем, созданный как реакция на особый инфоповод, постепенно может деконтекстуализироваться и включаться заново уже в контексты множества иных ситуаций, приводит к разнообразным трансформациям как его формы, так и содержания. Со временем, при условии достаточной виральности и живучести мема, за счет большого количества таких трансформаций и реконтекстуализаций вкупе с появлением гибридных продуктов, объединяющих в себе черты сразу нескольких семейств мемов, оказываются размыты уже границы семейства мемов как системы отдельных взаимосвязанных объектов, входящих в единый класс. Особенно это становится заметно в тот момент, когда сам мем

становится прецедентным текстом для интертекстуальных отсылок в высказываниях значительного количества пользователей, в том числе в текстах, претендующих на элемент художественности.

В результате мы получаем комплексную, развивающуюся во времени и самоподдерживающуюся языковую игру, вовлекающую большое количество разных пользователей, часто на различных коммуникативных площадках.

Список источников

Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. М. С. 79-128.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М: КомКнига, 2006. 144 с.

Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород, Красная ласточка, 2017. 208 с.

Манович Л. Язык новых медиа. М., Адмаргинемпресс, 2018. 400 с.

Трошченкова Е.В. (а) Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 74-86. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-74-86

Трошченкова Е.В. (б) Интернет мемы как концентраторы аксиологического аспекта событийных репрезентаций // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка: Материалы Международной научной конференции. Москва, 5–6 апреля 2022 г. / Отв. ред. В.И. Заботкина, С.И. Переверзева. М.: РГГУ, 2022. 162 с. С.23-25.

Тураева З.Я. Лингвистика текста // Текст: Структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Dawkins R. The Selfish Gene. 2nd ed. Oxford University Press, 1989. 360 p.

Jenkins H., Ford S., Green J. Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. New York and London: New York University Press, 2013. 352 p.

McLuhan M. Understanding Media. The extensions of man. London and New York, 1964. 396 p.

Segev E., Nissenbaum A., Stoler N., Shifman L. Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concreteness // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. №20. P.417-433.

Shifman L. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. №18 (3). P. 362–377.

References

Dawkins, R. (1989) The Selfish Gene. 2nd ed. Oxford University Press: 360.

Galperin, I.R. (2006) Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga: 144. (In Russ.)

Jenkins, H., Ford, S., Green, J. (2013) Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. New York and London, New York University Press: 352.

Journal of Computer-Mediated Communication, №20: 417-433.

Shifman, L. (2013) Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker. Journal of Computer-Mediated Communication, №18 (3): 362–377.

Manovich, L. (2017). Teorii soft-kul'tury [Theories of soft-culture]. Nizhny Novgorod, Krasnaya lastochka: 208. (In Russ.)

Manovich, L. (2018). Yazyk novykh media [The language of new media]. Moscow, Admarginempress: 400. (In Russ.)

Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Integrative and cross-cultural approaches to the study of thinking and language: Proceedings of the International Scientific Conference] (2022). Moscow, April 5-6, 2022 / Ed. by V.I. Zabolotkina, S.I. Pereverzeva. Moscow, RGU: 23-25. (In Russ.)

McLuhan, M. (1964) Understanding Media. The extensions of man. London and New York: 396.

Segev, E., Nissenbaum, A., Stoler, N., Shifman, L. (2015) Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concreteness.

Troshchenkova, E.V. (2022a) Memy kak sredstvo dekonstruktsii manipulyativnykh media priemov [Memes as a means of deconstructing manipulative media techniques]. Voprosy kognitivnoy linguistiki [Questions of cognitive linguistics], 2: 74-86. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-74-86. (In Russ.)

Troshchenkova, E.V. (2022b) Internet memy kak kontsentratory aksiologicheskogo aspekta sobytiynykh reprezentatsiy [Internet memes as concentrators of the axiological aspect of event representations]. Integrativnye i kross-kul'turnye podkhody k izucheniyu myshleniya i yazyka: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Integrative and cross-cultural approaches to the study of thinking and language: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, April 5-6, 2022 / Edited by V.I. Zabolotkina, S.I. Pereverzeva. Moscow, RGU. P.23-25. (In Russ.)

Turaeva, Z.Ya. (1986) Lingvistika teksta. Tekst: Struktura i semantika) [Linguistics of Text (Text: Structure and Semantics)]. Moscow, Prosveshchenie: 127. (In Russ.)

Wittgenstein, L. (1985) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New Issues in Foreign Linguistics]. Issue 16. Moscow: 79-128. (In Russ.)

© Трощенко Е.В., 2023

Трощенко Екатерина Владимировна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии, Санкт-Петербургский государственный университет. Контакты: 197372, Россия, Санкт-Петербург, ул. Камышовая, д. 3 (9 Kamyshomaya str., 3, Saint Petersburg, Russia, 197372), E-mail: e.troschenkova@spbu.ru.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2023.